

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЛИНЕЙНОЙ ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИЕЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В рамках своей третьей статьи, объединенной с двумя предыдущими синергетической методологией исследования, автор обращается к проблеме влияния антропологического детерминизма на результаты управления эволюцией социально-экономической системы. В концептуальных рамках синергетики представленный анализ определяется как анализ влияния флуктуаций микроуровня на тенденции эволюции макроуровня. Автор акцентирует внимание на актуальности синергетического подхода к выработке субъектно-ориентированной парадигмы управления эволюцией социально-экономической системы, позволяющего адекватно оценивать границы управления при решении дилеммы патернализм – суверенитет.

Нынешнее столетие (XX в.) стало веком «социальных инженеров». Мало найдется примеров столь же непоколебимой веры, какой была вера в то, что человек способен преобразовать общество, как ему угодно. Политические институты, экономические системы, обычаи людей и даже сам человеческий дух воспринимались как набор деталей детского конструктора, которые можно снимать и переставлять на любой манер, избранный теми, кто обладает достаточными для этого волей и властью. Тоталитарные государства XX в., конечно, являются собой наиболее яркий пример подобного мышления. Марксизм, внушенный русскому народу, был результатом «великого озарения», выразившегося в идее, что человеческая природа – всего лишь продукт социально-экономических отношений. Измените в обществе отношения собственности, уничтожьте тех, кто насаждает «буржуазный образ мышления», перевоспитайте массы в духе «классовой сознательности» – и родятся «новый человек» и «новое общество»... В то же время и экономическая политика демократических стран Запада, хотя и не столь экстремистская и безжалостная, как в тоталитарных государствах, не отличалась от них своими неявно подразумеваемыми предположениями о возможности и необходимости переустройства общества в соответствии с желаемым образцом.

Эбеллинг Р.

Социально-экономическая система относится к категории сложноорганизованных (сложных) систем, исследование и тем более управление которыми представляет собой сложнейшую аналитическую и практическую задачу, а ее успешное решение представляет пока относительно отдаленную перспективу для науки и практики. Результаты попыток управления социально-экономической системой как на Западе, так и в СССР (России) вплоть до навязывания целей, противоречащих ее природе, иллюстрируют нелинейный характер социально-экономической системы.

Линейная (классическая) парадигма управления сложными системами основывается на представлении, согласно которому результат внешнего управляющего воздействия есть однозначное и предсказуемое (линейное) следствие, адекватное приложенным усилиям. Вместе с тем практика свидетельствует, что внешнее управляющее воздействие может оказаться ничтожно малым, либо вызвать результат противоположный ожидаемому, если оно не соответствует имманентно присущим сложной системе тенденциям саморазвития.

Перспективы решения более чем актуальной задачи исследования и управления сложными системами представляются связанными с дальнейшим развитием теории сложных систем, роль которой выполняет синергетика. С позиции синергетики становится очевидным, что сложным системам нельзя навязывать пути их развития, скорее необходимо понять, как способствовать их собственным тенденциям саморазвития. Проблема управления развитием сложных систем становится проблемой их самоуправления. Синергетика дает представление о том, как эффективно управлять сложными системами. При управлении сложными системами значение имеет не сила, а правильно выбранная топологическая конфигурация внешнего управляющего воздействия на систему. Малые, но правильно ориентированные внешние воздействия на сложные системы оказываются наиболее эффективными. Это свойство сложной организации было известно тысячелетия назад, например автор канонического сочинения даосизма «Дао дэ цзин» Ли Эр так образно выразил его: слабое побеждает сильное, мягкое побеждает твердое, тихое побеждает громкое.

С позиции линейной научной парадигмы, парадигмы управления неравновесность (неустойчивость, нестабильность) рассматривается как негативное проявление функционирования системы, которое должно быть обязательно элиминировано, поскольку представляет собой отклонение от правильной траектории ее развития. В социально-экономической системе одним из выражений ее неустойчивости является социально-экономическое неравенство (дифференциация доходов), преодоление которого рассматривается в качестве цели внешнего управления системой (государственно-активизма).

Выбор в качестве непосредственного объекта внешнего управления неравенства доходов соответствует линейному характеру управления социально-экономической системой. Линейная парадигма управления социально-экономическую степень воплощения. Крайний случай воплощения линейной парадигмы управления социально-экономической системой в истории человечества нашел выражение в марксистском (коммунистическом) варианте реализации модернистского проекта достижения социального равенства – насильственном построении коммунистического общества на основе уничтожения тех культурных институтов, которые обуславливают индивидуальную свободу, и прежде всего института частной собственности. Очевидное фиаско коммунистической версии модернистского проекта достижения социального равенства обусловило необходимость отказа от линейной парадигмы управления, выражением которого в СССР (России) стали кардинальные (рыночные) реформы, начавшиеся в 1992 году.

В рамках западной культуры линейная парадигма управления в контексте реализации модернистского проекта получила свое воплощение в более мягкой форме перераспределения доходов государством, что стало возможным благодаря беспримерно высокой эффективности экономики свободного рынка на основе эволюции института частной собственности. Вместе с тем и западная версия линейной парадигмы управления в контексте реализации модернистского проекта потерпела фиаско, известное как фиаско социального государства и выражающееся в разрушении основы стабильности западных обществ – среднего класса.

Сопоставление восточного (СССР) и западного опыта управления социально-экономической системой на основе линейной парадигмы, выражением которой является сама постановка цели – социальное равенство, позволяет заключить: чем больше степень воплощения, абсолютизации ли-

нейной парадигмы управления развитием социально-экономической системы, тем разрушительнее ее последствия.

В соответствии с целями кардинальных реформ в СССР (России), конечной из которых является достижение экономического благосостояния, сопоставимого по уровню с развитыми странами, состояние последних рассматривается как эталонное, целеполагающее. Развитые страны в отличие от СССР (России) вступили на рубеже XX-XXI вв. в постмодернистский (постиндустриальный) период своего развития, период информационного общества, доминирующим источником доходов, благосостояния которого становится интеллект, знания (информация). Вместе с тем состояние, в котором пребывают развитые страны, определяется как кризисное не только в контексте поворота к информационному обществу. Кризис, переживаемый развитыми странами, связан также с деятельностью социального государства, которое, преследуя цель достижения социальной стабильности (большого социального равенства, социальной справедливости), своими действиями реально угрожает той существующей спонтанной стабильности, воплощением которой стало появление среднего класса.

Сопоставляя собственный социально-экономический опыт, цели и развитие процессов реформирования экономики, культуры в целом, общества СССР с опытом развитых стран, осознаешь, сколь важно понимание природы человека, природы социально-экономической (социально-культурной, социально-культурно-природной) системы, особенно в контексте управления их развитием.

Фиаско линейной парадигмы мировоззрения, управления, выразившееся в фиаско как коммунистического проекта, так и модернистского проекта в целом, социального государства, построение которого еще только декларировано статьей 7 Конституции Российской Федерации, свидетельствует о нашем неадекватном реальности линейном представлении о человеке и социуме, о значении для состояния социально-экономической системы поведения, усилий одного отдельно взятого человека, о взаимосвязи микро- и макроуровней системы. В соответствии с линейной парадигмой состояние социально-экономической системы рассматривается не зависящим от флуктуаций микро уровня, из чего следует, что деятельность каждого отдельно взятого человека несущественна для макросоциальных и макроэкономических процессов.

Бесперспективность линейной парадигмы управления не менее драматична в ситуации, когда

на ее основе предпринимаются попытки реформирования социально-экономической системы, однако доминирование именно этой парадигмы до сих пор имеет место в современной России. Так, кардинальное реформирование социально-экономической системы СССР в направлении рыночной экономики и гражданского общества, будучи по сути либеральным, в определенном смысле противоречит российской культурной традиции и детерминирующему ее национальному менталитету, выражением которого является социальная, экономическая пассивность и патернализм.

Синергетика на максимально глубоком аналитическом уровне позволяет понять, что действия каждого отдельного человека влияют на макросоциальные, макроэкономические процессы, особенно в состояниях обострения неустойчивости (нестабильности) социально-экономической системы. Нравственным следствием такого понимания является осознание каждым человеком собственной ответственности за состояние и перспективы развития общества и культуры, а для России и за перспективы кардинальных реформ, соответственно за перспективы собственного благосостояния. В данном контексте фраза «делать реформы для народа», отражающая линейный подход к управлению (реформированию) при всем ее псевдонравственном благозвучии по сути алогична и безнравственна одновременно, а сами реформы соответственно бесперспективны.

Парадоксальность процессов реформирования экономики, культуры в целом, общества СССР заключается в необходимости в определенном смысле, имея ввиду базовые культурные институты с соответствующими им принципами организации, и прежде всего институт частной собственности, вернуться назад для обеспечения движения вперед. Реформы в России на рубеже XX-XXI веков стали актуальны в связи с инновационными реформами (реализацией коммунистического проекта) начала XX века и носят имитационный характер. Поэтому состояние России, процессы реформирования соответствуют индустриальному периоду развития, протекая на фоне постиндустриализации развитых стран.

Важнейшей тенденцией постиндустриального общества, связанной с существованием среднего класса, является выравнивание уровней экономического благосостояния владельцев человеческого капитала (профессионализма, квалификации), выступающих чаще всего в роли наемных работников, и владельцев вещественных объектов собственности, рост степени экономической незави-

симости «собственников квалификации» от «собственников вещей».

События в России, последовавшие после 17 августа 1998 года, обнаружили наличие среднего класса (косвенным подтверждением чему стало перемещение Москвы с 1 на 87 место по стоимости жизни), доля которого в российском обществе составляет, по оценкам Т. Заславской, около 27%, тогда как в США – 60%. Ядро среднего класса России составляют предприниматели в сфере малого и среднего предпринимательства, дающего 12% ВВП по сравнению с 50% ВВП в США. Малое и среднее предпринимательство в условиях прозрачности отношений собственности, прежде всего на землю, способно обеспечить значительный прирост рабочих мест, конкуренцию за наемный труд и соответственно рост доходов от труда по найму. Доходы представителей среднего класса в России составляют от 600 до 1000 долларов США в месяц. При этом структура их потребления позволяет говорить об инвестировании в семью и культуру, что гарантирует стабильность развития России.

Современное представление о среднем классе в развитых странах позволяет говорить о среднем классе в России в большей степени как о «традиционном» среднем классе (занятые малым и средним предпринимательством в новом для России частном секторе экономики), а не о «новом» среднем классе (занятые высококвалифицированным массовым наемным трудом), ядром которого в развитых странах являются занятые в сферах образования, науки, здравоохранения, рекреации. Вместе с тем формирование в процессе рыночных реформ в России частного сектора, частнопредпринимательской экономики способствует формированию и «нового» среднего класса, однако пока большей частью в лице высококвалифицированных наемных работников, занятых в рыночной инфраструктуре. Представители массовых видов высококвалифицированного интеллектуального труда, занятые в сферах образования, здравоохранения, науки и даже технологии, относящихся в России по большей части к государственному сектору экономики, находятся соответственно в крайне тяжелом экономическом положении.

Экономическая социология выделяет пять признаков среднего класса: уровень образования, уровень дохода, самоидентификация, тип потребления, обеспеченность жильем. Наряду с данными признаками выделяют следующие основные функции среднего класса в обществе: обеспечение доходности государственного бюджета (средний класс как основной экономический донор), обеспечение вертикальной социальной мобильности (свободная

восходящая вертикальная мобильность как перспектива социального роста, базой которого является образование и уровень квалификации). «Верхнюю границу» среднего класса образуют представители, не являющиеся собственниками скольких-нибудь значительных капитальных благ, а «нижней границей» – его представители, не занятые, как правило, тяжелым физическим наемным, особенно ручным трудом. Для среднего класса характерен высокий уровень вертикальной социальной мобильности, причем как внутри самого среднего класса, так и в рамках всей социальной структуры. Средний класс можно назвать переходным социальным состоянием, из которого обычно в течение двух поколений осуществляется перемещение людей к его верхней или нижней границе. Например, во Франции представители среднего класса составляют почти половину пополнения «высшего класса», а низкоквалифицированные наемные работники – почти 1/3 пополнения «среднего класса». Половина детей представителей «среднего класса» наследует занятия родителей, 40% – становятся низкоквалифицированными наемными работниками, 10% – занимают позиции «высшего класса».

На основании вышеприведенных признаков и функций многочисленные отечественные социологические исследования позволяют не только выделить группы населения, составляющие российский средний класс, но и определять динамику его численности, несмотря на трудности статистических способов, связанные с проблемой оценки доходов, аспектами которой являются уровень доходов, степень дифференциации доходов, скрытые доходы.

Проблема среднего класса в России – проблема создания условий для его формирования и развития как гарантии стабильности общества и экономики, поскольку доходы среднего класса, во-первых, являются основным источником доходов государственного бюджета, во-вторых, определяют структуру потребления, соответствующую инвестированию в семью и культуру. В значительной степени эти условия связаны с величиной налогового бремени на средний класс, которое на стадии формирования среднего класса препятствует ему, как это имеет место в России, а на стадии зрелости – разрушает его, как это имеет место в развитых странах.

В сознании россиян бытует мифологизированное представление о благополучии среднего класса в развитых странах, однако на сессии Всемирного экономического форума в Давосе в 1995 году

отмечалось, что пессимизм относительно перспектив развития среднего класса царит не только в России, но и в США, и Западной Европе, причиной которого является разрушение среднего класса, обусловленное деятельностью социального государства (государства всеобщего благосостояния).

Если причины разрушения среднего класса в развитых странах обусловлены деятельностью социального государства, то чем обусловлены причины его возникновения?

Средний класс возник спонтанно в процессе длительной эволюции институтов культуры и прежде всего института частной собственности и частного предпринимательства, обеспечивающих необходимую степень индивидуальной свободы. Частное предпринимательство как один из видов труда, перерастающее рамки «самозанятости», неизбежно порождает рынки других видов труда и конкуренцию за наемный труд, позволяя собственникам других видов труда максимизировать доход от труда по найму – заработную плату.

Для понимания причин спонтанного возникновения феномена среднего класса, принцип «невидимой руки» Смита имеет основополагающее значение. Вопреки распространенному мнению о том, что общественное благо выше личного, Смит показал, что во главу угла надо поставить индивидуальные интересы, «естественное стремление каждого человека к улучшению своего положения». Рост общественного богатства и приоритет общественных ценностей установятся тогда сами собой. Стремление людей к частной выгоде, к деньгам и получению прибыли наведет порядок спонтанно, независимо от их желания.

Из принципа Смита, однако, невозможно сделать вывод относительно распределения национального дохода между индивидуумами, о социальной структуре общества. Ответ на этот вопрос частично может быть получен на основе закона Парето, утверждавшего, что при малых значениях ВВП на душу населения его рост ведет к росту социального неравенства, а увеличение этого показателя после достижения им некоторого критического значения приводит к уменьшению различия в индивидуальных доходах. Действительно, наблюдения показывают, что при относительно малых значениях ВВП его рост ведет к увеличению индекса Джини, измеряющего степень социального неравенства (чем больше индекс Джини, тем больше неравенство). В XIX веке это обстоятельство оправдывало социалистическую (коммунистическую) теорию, которая, основываясь на том, что рост богатства приводил к росту разли-

чий между богатыми и бедными, требовала изменений в распределении богатства в сторону большего равенства. Реализация этих требований на практике приводила лишь к уменьшению национального богатства (дохода) и тем самым к увеличению фактического различия между бедными и богатыми.

Использование изменений в распределении национального богатства (дохода) в качестве независимых управляющих воздействий на экономику (линейная парадигма управления) оказалось опасной иллюзией. Однако тенденция к спонтанному уменьшению различий между доходами богатых и бедных не является философской химерой. На определенной стадии развития в рыночной экономике достигается такой критический по величине уровень ВВП, начиная с которого индекс Джини не увеличивается, а уменьшается с дальнейшим ростом ВВП на душу населения. Согласно данным Всемирного Банка, средний уровень дохода на душу населения в развитых странах составлял в 1984 году 11 тыс. долл., в средних странах – 1,3 тыс. долл. и в бедных – 0,26 тыс. долл. При этом в первых двух странах индекс Джини составлял 0,3–0,4, в бедных – 0,6. Эти и другие данные подтверждают закон Парето в принятой им формулировке: «увеличение богатства по отношению к численности населения с необходимостью вызывает возрастание минимального дохода или уменьшение неравенства доходов, или же то и другое вместе». Следствием этого закона является спонтанное возникновение среднего класса, составляющего социальную основу развитой рыночной экономики. Заметим, что увеличение национального дохода является не непосредственно управляемой переменной, а результатом множества условий, влияющих на управляемые параметры социально-экономической системы. Одним из таких параметров является степень индивидуальной свободы, увеличение которой становится необходимым условием роста национального дохода. Индивидуальная свобода, соответствующая природе самоорганизующихся систем, обеспечивает их эволюцию, причем будущее систем, в том числе экономики и общества, благодаря флуктуациям и бифуркациям принципиально неизвестно.

После выявления причин спонтанного возникновения среднего класса обратимся к разрушающей средний класс деятельности социального государства.

В процессе эволюции рыночной экономики, прошедшей этап классического либерализма, благодаря которому был достигнут беспрецедентно

высокий уровень ее эффективности, для общества (государства) стало возможным реализовывать модернистскую идею социального равенства и справедливости. Многочисленные социальные программы государства в развитых странах, направленные на поддержание доходов, охватывают большое число получателей пособий и соответственно требуют значительных бюджетных средств, собираемых за счет налогообложения. При этом основным донором государственного бюджета выступает средний класс, несущий бремя модернистской идеи социального равенства и справедливости (бремя социального государства).

В результате роста налогового бремени на протяжении ряда лет уровень социальных расходов государства достиг такого предела социальной справедливости, когда получатели социальной (государственной) помощи оказались в более выгодном положении по сравнению с налогоплательщиками. Сегодня отдельный человек, семья, пользующиеся льготами по нескольким социальным программам, обнаруживают при сравнении пособий с заработной платой после вычета налогов, что их экономическое положение ухудшится, если они займут активную экономическую позицию.

В конечном итоге социальные программы по поддержанию доходов в долгосрочном периоде ослабляют стимулы к труду, инициативу, экономическую активность и поощряют иждивенчество. Доходы типичной семьи, принадлежащей к среднему классу и исправно выплачивающей налоги, уравнились с доходами семьи, живущей на средства налогоплательщиков. «Бесплатность» дорогостоящих благ, например образовательных и медицинских услуг, жилья для получателей социальной помощи за счет экономически активного населения вызывает все более стойкое раздражение представителей среднего класса практически во всех развитых странах, в общественном мнении которых укрепляется идея «эксплуатируемого» среднего класса. Защита интересов «обиженного» среднего класса обеспечила победу Клинтона на президентских выборах. Это создает предпосылки разрушения среднего класса в развитых странах, на котором покоилось благополучие и стабильность западной цивилизации, что означает кризис социального государства (социальной рыночной экономики), кризис модернистской идеи социального равенства, а по сути кризис линейной парадигмы управления социально-экономической системой.

Для нас же модернистская идея социального равенства, социальной справедливости являлась стержнем коммунистического проекта, лежащего

в основе административно-командной экономики, а потому в принципе за 75 лет коммунистического режима в СССР не позволила достичь сопоставимого с западным уровнем жизни. Если для развитых стран попытка реализовать идею социальной справедливости путем перераспределения национального дохода выступает сдерживающим рост национального дохода и развитие в целом фактором, то для СССР по сути насильственный способ реализации идеи социальной справедливости обернулся принципиальной невозможностью обеспечить эффективное функционирование административно-командной экономики, рост национального дохода, что и послужило причиной кардинальных (рыночных) реформ. Современные российские реформы в данном контексте можно рассматривать как попытку вырваться из «прокрустового ложа» модернистской идеи социального равенства, обеспечив тем самым рост национального дохода, уровня потребления и уровня жизни.

В рамках административно-командной экономики неоднократно предпринимались попытки повысить эффективность экономики путем увязки результатов труда с вознаграждением за труд, но они неизбежно терпели фиаско, разбиваясь о нерушимую идею равенства, социальной справедливости, гарантирующую равенство легальных доходов вне зависимости от трудовых усилий. Одним из разрушительных для культуры и общества нравственным следствием реализации идеи социальной справедливости в рамках коммунистического проекта стало пренебрежительное отношение к добросовестно трудящимся людям, которое может быть выражено, например, такой расхожей фразой: «дураков работа любит». Имея собственный опыт тотального насилия со стороны государства с его разрушительными последствиями для экономики, культуры в целом, общества, личности, а также опыт развитых стран, выражающийся в фиаско социального государства, мы должны отдавать себе отчет в том, каких усилий требует от каждого из нас желание жить лучше.

Понятие «средний класс» для рыночной, демократической культуры связано с понятиями «социальное равенство» и «социальная справедливость», однако в России появление «среднего класса» связывают с появлением в процессе реформ дифференциации доходов, социального неравенства, рассматриваемого некоторыми соответственно как новый феномен в нашей жизни.

До начала рыночных реформ в принципе не могло быть и речи о расчетах социального неравенства в СССР, поскольку официально оно отри-

цалось, и тем более не могло быть и речи о международных сопоставлениях как по уровню доходов, так и по степени неравенства, что разрушило бы в нашем сознании коммунистический миф о равенстве, однако теперь это делать можно. Провозглашенное в СССР социальное равенство (социальная справедливость), отсутствие высших и низших социальных слоев (дифференциации доходов) в советском обществе являлось на самом деле не более, чем иллюзией, коммунистическим мифом.

До начала рыночных реформ социальное неравенство носило скрытый характер и проявлялось в форме неравного доступа к управлению «общенародной собственностью», неравного доступа к дефицитным благам, обусловленного не величиной номинальной заработной платы, а наличием привилегий, степень которых (степень неравенства) зависела от степени принадлежности к партийно-бюрократической элите общества, большая часть доходов которой имела натуральную форму, что маскировало реально существующее неравенство в уровнях потребления и жизни. По некоторым оценкам, за все годы существования советской власти доход на душу населения не превышал 1/3 от этого показателя в США. Доход от труда по найму (заработная плата) при наличии высшего образования в середине 80-х годов в США составлял около 50 тыс. долл. в год, по сравнению с 7 тыс. долл. в СССР (причем при расчете по установленному государством заниженному курсу доллара: 0,6–0,7 руб. за 1 доллар США), а различие в уровнях даже легальных доходов в СССР достигало в отдельные периоды нескольких десятков раз. Так, один из самых низких доходов имели пенсионеры-колхозники после того, как им наконец-то было принято решение платить пенсию, которая составляла семь рублей, а в дальнейшем была милостиво повышена в два раза. В процессе рыночных реформ произошла легализация существовавшего в СССР социального неравенства («У кого будут деньги при коммунизме? У того, у кого они были при социализме» – советский анекдот по поводу денег при коммунизме, которые предполагалось отменить), пик которого по данным Госкомстата был достигнут в 1994 году, после чего степень неравенства, измеряемая индексом Джини стала снижаться, о чем свидетельствует динамика индекса Джини в России с 0,41 в 1994 году до 0,375 в 1998 году.

После начала рыночных реформ фактором, определяющим социальное неравенство, в большей степени становится денежный доход, зависящий от степени экономической активности. Если

в СССР единственным легальным источником доходов в отличие от развитых стран являлся труд по найму государством, что являлось причиной несопоставимо низкой по сравнению с развитыми странами заработной платы, то за годы реформ появились новые легальные формы дохода, что повысило степень экономической свободы и расширило возможности развития личности. Вместе с тем в структуре национального дохода России доля заработной платы пока меньше, чем в развитых странах, где она не опускается ниже 60-70%.

В развитых странах, где существует социальное государство, его фиаско сегодня уже признано, оно выражается в стимулировании претензий экономически пассивных граждан, стремящихся избежать социальной конкуренции, на достойный уровень жизни, социального иждивенчества, препятствующего поступательному развитию экономики, культуры в целом, общества, личности.

В России с ее традициями социального иждивенчества, стойкого раздражения по поводу необходимости платить за те или иные блага из собственных средств реализация декларированного Конституцией РФ «социального государства», одним из принципов которого является принцип большей нагрузки экономически активных с целью помощи экономически пассивным, представляется проблематичной.

Формирование социального государства – сложный и длительный процесс, который требует наличия определенного экономического потенциала. Социальное государство в развитых странах, пришедшее на смену правовому государству эпохи «классического либерализма», прошло долгий путь эволюции (в Западной Европе больше столетия) от либерального государства с его опорой на идеологию индивидуализма, защитой демократического правопорядка, до социального государства или государства всеобщего благосостояния, обеспечивающего достойные условия жизни для всех граждан.

В России за всю ее историю не существовало либерального государства, более того, либеральные реформы неизбежно сворачивались, поскольку традиционно воспринимались как проявление слабости государства, которое в отличие от западной культуры отождествляется не с законом, а с чиновником. Подобная традиция соответствует тому обстоятельству, что в российской культуре ценность индивидуальной свободы и ответственности как атрибутов активного менталитета никогда не занимала доминирующей позиции в шкале культурных ценностей в отличие от западной, особенно протестантской культуры.

«Социальное государство», уже существующее на Западе и только декларированное в России, во избежание собственного фиаско должно оставаться преемником государства либерального (на Западе), воплощать либеральную идею (в России), гарантируя на основе отношений собственности и индивидуальных свобод возможности для саморазвития личности и исключая при этом факторы, питающие иждивенчество. Не только государство должно отвечать перед гражданином за его уровень жизни, но и гражданин на основе гарантированной свободы и отношений собственности обязан отвечать за свое экономическое положение. До тех пор, пока доминирующей в обществе (культуре) нравственной ценностью не станет та, согласно которой «все, что я способен сделать для себя сам, не должны делать за меня другие люди», невозможно будет решить те проблемы, которые сегодня мы вследствие вульгарно-материалистического мировоззрения определяем как собственно экономические. Особенную актуальность это обстоятельство приобретает в контексте успешности российских реформ. Государство же по меньшей мере должно не препятствовать, но способствовать реализации каждым человеком его потенциала, гарантируя ему для этого необходимые правовые условия, которые в значительной степени связаны с налогообложением.

Чтобы России не пережить вслед за развитыми странами фиаско социального государства, социальной рыночной экономики, необходимо сегодня не допустить превращения сфер малого и среднего предпринимательства в сферу бюрократического рэкета, а малых и средних предпринимателей в основных налогоплательщиков. Формирование среднего класса в России сопровождается огромной долей теневой экономики, которая составляет не менее 40%, что свидетельствует о серьезных препятствиях со стороны государства формирования среднего класса, его легализации, выражающихся в бюрократическом рэке как следствии «бюрократического рынка» в СССР, значительном налоговом бремени (бремени государства). С определенной долей условности структура российской экономики может быть представлена государственным сектором как легальной экономикой и частным сектором как нелегальной или теневой экономикой, которую можно рассматривать как попытку избежать чрезмерного налогового бремени, препятствующего легализации и росту среднего класса. Снижение налогового бремени (бремени государства) позволит в конечном итоге увеличить базу налогообложения за счет доходов среднего

класса, обеспечить устойчивость рыночных, демократических преобразований в российском обществе при условии одновременного реформирования социальной сферы.

Являясь основным донором государственного бюджета, средний класс способен контролировать расходы государственного бюджета, подрывая тем самым основы бюрократии. Необратимость рыночных реформ в России как необходимое условие ее устойчивого развития, связанная с формированием и развитием среднего класса, зависит от соотношения бюрократии и среднего класса: чем больше будет среднего класса и меньше бюрократии, тем устойчивее будет развитие России.

При различии способов в СССР и развитых странах в попытках реализации государством на практике идеи социального равенства, социальной справедливости, как свидетельствует наш собственный и опыт развитых стран, они приводят лишь к уменьшению национального дохода и увеличению социальной несправедливости, вступая в противоречие с рациональной (экономической) природой человека, которая при различии внешних условий (принципов экономической, социальной организации) детерминирует и различие нравственных ценностей.

Целесообразность управления развитием социально-экономической системы (регулирующей роли государства) не вызывает сомнений, однако неадекватное регулирующее воздействие государства, на-

правленное на достижение устойчивого (стабильного) развития общества и культуры, на самом деле разрушает спонтанную стабильность, разрушая внутренне присущий сложной системе потенциал саморегулирования, саморазвития. На каждом этапе эволюции культурной и социальной системы государство, вмешиваясь в нее с целью управления, должно находить баланс между самоорганизацией и внешней организацией, баланс между степенью индивидуальной свободы и степенью насилия, в том числе в форме социальных гарантий одним гражданам за счет других граждан.

Проблема среднего класса в России и развитых странах по сути идентична с той лишь разницей, что одни и те же причины, связанные с неадекватной природой человека и социально-экономической системы деятельностью государства, в России препятствуют формированию среднего класса, а в развитых странах разрушают средний класс.

Синергетический подход к исследованию СЭС позволяет понять, что в процессе ее эволюции не существует абсолютно справедливого конечного состояния. Интервенционистский дух модернистской идеи «социальной инженерии», попытки из благих намерений управлять развитием СЭС при непонимании или игнорировании ее самоуправляемой природы, ее внутренних тенденций саморазвития чреваты последствиями, худшими по сравнению с теми, которых предполагалось избежать. Воистину, благими намерениями вымощена дорога в ад.